

АННА ШЕРАЙДЕР

Мне
НЕ СТЫДНО

Анна Шнайдер

Мне не стыдно

<https://litres.ru/74204733>

Аннотация

Новая работа - всегда испытание. Но это испытание становится вдвойне сложным, если твой начальник - человек, которого ты ненавидишь. Говорят, что от ненависти до любви один шаг. Может, всё-таки больше?...

История Сергея Мишина. История Макса Юрьевского - "Максималист". История Вари Михайловой - "Сколько ты стоишь?"

Содержание

1	4
2	8
3	16
4	20
5	25
6	30
7	36
8	47
9	54
10	59
11	64
12	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

1

Способность ходить на работу в хорошем настроении дана не каждому. Точнее, даже суперспособность. И вот эта самая суперспособность у Сергея Мишина всегда была.

По-другому нельзя, если ты занимаешься рекламой. Не будешь обаятельно улыбаться и излучать довольство жизнью — всё, капец котёнку. Точнее, рекламной кампании.

У Сергея это было в крови, даже учиться не надо. Его природное очарование действовало на всех без исключения собеседников, особенно на женщин. Кажется, это называется харизмой, но ему это слово всегда не нравилось. Сергей предпочитал понятие «обаяние». А ещё «профессионализм».

В этом была вся суть собственно рекламы. Внутри конфетки может быть что угодно, но фантик должен быть красивым. Вот и Сергей старался сделать свой фантик как можно более привлекательным, следя за тем, чтобы его «броня» — читай «фантик» — нигде не треснула и не облупилась.

Но всё это ему страшно нравилось. И это тоже имело значение — врать, когда тебе не нравится собственное враньё или ты в него не веришь — не лучшее занятие. Подобное враньё успеха не принесёт.

Поэтому Сергей всегда врал откровенно и увлекательно. И получал от этого удовольствие. И ему совершенно не было

стыдно.

Утро обычного июньского понедельника началось с проливного дождя. Он так забарабанил по оконному стеклу, что Сергей проснулся. Сунул руку под подушку, достал мобильник и чертыхнулся: ещё полчаса можно было поспать! Чёртов дождь.

Мишин ненавидел такую погоду. Почему-то именно в дождь с ним происходили самые неприятные в жизни вещи. Правда, в этот день жизнь ничего неприятного не предвещала.

Сергей умылся, позавтракал, наслаждаясь одиночеством, собрался и поехал на работу. Включил в машине радио, чтобы было не так тоскливо на душе от хлещущего потоками дождя, и начал подвывать дурацким попсовым песенкам. Слуха и голоса у него никогда не было, и если бы в машине ехал кто-то ещё, у него завяли бы уши.

Но Сергей не любил кого-то возить в своей драгоценной машине. И гостей в собственной квартире Мишин тоже терпеть не мог. И ненавидел, когда коллеги навязывали ему своё общество на обеде. Удивительно, но при общей общительности Сергей не выносил, когда лезли в его личное пространство.

Даже теперь, когда у него уже была официальная невеста, и до постоянного совместного проживания оставались ка-

кие-то полгода, Мишин предпочитал, чтобы Кристина уезжала к себе после совместно проведённого вечера. Ну или чтобы она покидала его хотя бы утром.

Его раздражали чужие вещи в собственной квартире, бе-сили до дрожи и тошноты в горле. Чашки, забытые на столе, лифчики и трусики в его комоде, небрежно брошенная женская бритва в ванной. Сергей пытался сам себя уговорить, потому что умом понимал: это неизбежно. Через полгода Кристина переедет к нему, надо привыкать. Но всё равно скрипел зубами и морщился, когда замечал следы её пребывания.

Особенно Мишина трясло, если Кристина пользовалась его шампунем или бритвой. Или надевала его рубашку, носки и шлялась так по дому. Он никогда и ничего ей не высказывал, чтобы не обижать, но коробило Сергея знатно. В такие моменты он с тоской вспоминал своё детство: и мама с отцом, и сестра знали, что входить в комнату старшего отпрыска не стоит. И уж тем более не стоит брать его вещи или, того хуже, пользоваться ими.

Единственным человеком, чьё присутствие Мишин мог выносить почти бесконечно, была Вера, его сестра. Даже мама через какое-то время начинала раздражать, а Вера — нет, никогда. Он как-то пошутил — сказал, что если бы мог жениться на ней, то непременно женился бы. Мама перепугалась, вытаращила глаза, а Вера только рассмеялась. Она всегда понимала его лучше всех.

Вдали показалось высотное здание, в котором работал Мишин, и в этот момент у него зазвонил мобильный телефон.

Он ничуть не сомневался, что это Кристина. И точно.

— Привет, Серж!

Отвратительное сокращение. Он пытался отучить её — тщетно. Потом подумал — ладно уж, пусть лучше так зовёт, чем Серёжик или вообще пупсик.

От подобных обращений Мишина всегда мутило.

— Привет, Крис.

Ей нравилось именно так — на американский манер.

— Я сегодня вечером хочу приехать к тебе, — сказала Кристина своим любимым капризно-детским тоном. — Ты меня накормишь или мне захватить что-нибудь с собой?

— Захвати. Но не раньше восьми, котёнок.

— Мр-р-р, — мурлыкнула она в трубку и отключилась.

А Сергей въехал на стоянку, припарковался и через пару минут уже входил в офис.

Он сразу заметил чужую сумку на бывшем столе Светы. Чёрную и строгую такую сумку, на которой сбоку висела дурацкая металлическая Эйфелева башня.

— Привет, Сергей! — жизнерадостно улыбнулась Варя, одна из менеджеров его отдела. — Выздоровел?

— Как видишь, — Мишин тоже улыбнулся. — А это?..

— А это вместо Светы девочка. Красивая. — Варя мечтательно вздохнула. Она почему-то считала себя страшненькой, но почему, Сергей предпочитал не вникать. — Тебе Света резюме должна была прислать.

— Да, вроде было что-то, — Мишин нахмурился, припоминая. — Но я дал ей полный карт-бланш, потому что сам ничего не соображал тогда. Грипп и лето совершенно не созданы друг для друга, как оказалось. А где наша новая сотрудница?

— В отдел кадров пошла. Проводить её к тебе, когда вернётся?

— Проводи, — кивнул Сергей и направился в свой кабинет. Он находился справа от кабинета генерального директора — небольшая комната, стол поставлен так, чтобы сидеть спиной к окну и лицом к выходу, компьютер, принтер, шкаф с документами. Всё довольно скромно, но Мишин никогда и не принимал здесь клиентов. Для клиентов есть переговор-

ная, даже две, а этот кабинет только его. То самое личное пространство, да.

Сергей включил компьютер и загрузил рабочий почтовый ящик. Так, ага... Вот оно — письмо от Светы. В нём она писала, что нашла человека вместо себя, того самого, чьё резюме присылала три дня назад и на всякий случай присылает ещё раз.

Мишин открыл прикреплённый файл. Так, Маргарита Ракова, тридцать один год, закончила тот же институт, что и он, последние несколько лет работала во Франции, до этого — в России, в двух очень крупных компаниях... Да, прекрасное резюме, действительно. Ничего себе, три языка знает. Английский, французский, немецкий... Крутая. И курсы повышения квалификации иностранные, и рекомендации... Очень крутая.

— Сергей, — в кабинет всунулась голова Вари, — вот, я Риту привела. Рита, заходи. Знакомься. А я побежала.

Мишин всё ещё читал последние строчки резюме — не замужем, детей нет, — поэтому обратил внимание на женщину, что застыла возле двери, не сразу. А когда обратил...

Сначала его будто поленом по голове ударило.

А потом он застыл, кажется, впервые в жизни не зная, что сказать.

А Рита вдруг усмехнулась — совершенно не знакомой ему язвительно-горькой усмешкой — и иронично процедила:

— Вот интересно, мне надо будет заявление об уходе на-

писать, или меня ещё официально не приняли?

И тогда Сергей очнулся.

Жизнь частенько преподносит нам неприятные сюрпризы. Я бы даже сказала так: сама жизнь — это один большой неприятный сюрприз. Но, как это всегда бывает в случае с сюрпризами, нас не спрашивают, хотим мы их получать или нет.

А начиналось всё вполне мирно. Я пошла на собеседование в очередную фирму, готовую предоставить мне желаемую должность и зарплату. Работа была нужна мне, как воздух — надо же чем-то платить за квартиру и на что-то кушать. Конечно, моих сбережений месяца на три хватит, но всё же мне очень не хотелось банально проедать накопления.

Надо было, наверное, развернуться и уйти сразу после того, как я увидела, кто будет меня собеседовать. Если в конторе считают возможным держать на работе женщину на восьмом (а судя по размеру живота, там не меньше) месяце беременности, значит, что-то в этой конторе неправильно. Но я банально растерялась. А потом, когда Света — так звали девушку — сказала, что её попросили выйти на работу всего на один день, исключительно для того, чтобы собеседовать меня, растерялась ещё сильнее.

— Начальник мой просто грипп подхватил, — объяснила

она извиняющимся тоном. — А он не может никому доверить принятие нового сотрудника к себе в отдел, кроме себя самого... и меня.

— Грипп? — удивилась я. — В июне?

Она хихикнула.

— Да. Мы тоже все поражаемся, как он так умудрился.

Да уж, талантливый человек. Впрочем, мне грех высказываться — самой везёт на подобные нелепости.

Меня больше интересовало другое.

— Значит, речь идёт о вашем декретном месте?

— Нет, — покачала головой Света, и я выдохнула. — Формально вы будете работать — если будете — вместо меня, но ставка новая.

Уже легче. К декретным местам я особого доверия по понятным причинам не испытывала.

— Расскажите мне о себе подробнее. В вашем резюме сказано, что вы четыре года жили во Франции...

— Да.

Минут десять я вещала о тонкостях своей биографии, потом Света задавала мне всякие профессиональные вопросы, а в самом конце сказала:

— Знаете, обычно мы несколько дней думаем, но вам я хочу сразу сказать — вы нам подходите. Так что, если вы настроены серьёзно, выходите на работу с понедельника. Сергея тоже должны выписать, он и введёт в курс дела. Или вы ещё не решили?

Я немного поколебалась для порядка, а потом вынесла вердикт:

— Решила. Хорошо, понедельник так понедельник.

Такой хорошей зарплаты я наверняка нигде не найду. Она была более чем щедрой. Кроме того, мне было удобно сюда ездить — недалеко от дома — да и офис понравился...

Попробуем.

— Отлично. Тогда в понедельник ждём вас к десяти, пропуск вам закажут. Придёте — и сразу в отдел кадров оформляться. Удачи. Уверена, вам у нас понравится.

Света улыбнулась, кивнула мне приветливо. Увы — она ошиблась. Хотя... если бы не одно маленькое обстоятельство, мне бы у них, конечно, понравилось.

Но даже маленькие обстоятельства иногда значат очень много. А моё обстоятельство, на самом деле, было не таким уж маленьким. Оно носило светло-серый костюм и тёмные ботинки. И было обладателем прекрасных шелковистых русых волос и голубых искрящихся весельем глаз.

Удивительно. Я вернулась в Россию, устроилась на новую работу — и сразу же наткнулась на того единственного человека, которого желала видеть меньше всего в жизни. На человека без стыда и совести. И этому человеку предстояло быть моим начальником.

Да, Мишин нисколько не изменился. Всё такой же красивый, вылизанный, чистенький. Впрочем, я вообще не верю в то, что люди меняются. Может быть, если лоботомию им

сделать.

Только смотрел он на меня так, будто увидел привидение. Даже рот открыл. Хорошо хоть слюной на стол не начал капать, а то я бы не выдержала и засмеялась.

Мне действительно хотелось рассмеяться. Нет, даже не так — мне хотелось заржать.

Ну как я умудрилась устроиться именно в эту компанию! Неужели в Москве мало организаций, которые занимаются рекламой?! Почему меня занесло именно сюда?!

— Вот интересно, мне надо будет заявление об уходе написать, или меня ещё официально не приняли?

Мишин моргнул, и я внезапно осознала, что до этого он, кажется, даже не дышал.

— Что? Ты вообще о чём?

— О том самом. Как ты тогда сказал... «Я бы ни за что на свете не взял на работу эту мелкую рыжую выскочку». Полагаю, Света совершила ошибку, и эту ошибку надо срочно исправить. Пойду в отдел кадров, узнаю, как лучше сделать.

Я даже начала поворачиваться к двери, но он вдруг вскочил и рывкнул:

— Ромашкина, прекрати сейчас же!

— Я больше не Ромашкина, если ты не заметил, — съязвила я. — Наверное, поэтому меня сюда и взяли. Будь я Ромашкиной...

— Сядь, — сказал он уже на тон потише. — Давай поговорим.

— О чём?

— Сядь и узнаешь.

Я пожала плечами, подошла к стулу, что стоял перед его столом, села. Мишин тоже опустился в своё большое кожаное кресло. Разглядывал меня несколько секунд, и мне малодушно, по-детски захотелось схватить что-нибудь со стола и запульнуть ему прямо в лоб.

— То, что ты процитировала, я говорил, кажется, на третьем курсе института.

— На четвёртом, — уточнила я.

— Хорошо, на четвёртом. Это было... чёрт, никак не могу посчитать.

— С математикой ты всегда не дружил. Тринадцать лет прошло.

Мишин посмотрел на меня, как на дуру.

— Ромашкина... Тьфу, то есть, Рита... Неужели ты считаешь, что те слова до сих пор имеют вес и значение?

Теперь уже я посмотрела на него, как на дурака.

— Разумеется. Других слов ты мне не говорил.

Он помолчал, повертел в руках дорожную ручку.

— У тебя очень хорошее резюме, Рита. И я бы не хотел, чтобы ты сгоряча от нас сейчас сбежала. И если ты можешь забыть всё то, что я тебе говорил...

Я хмыкнула, и он исправился:

— Хорошо, не забыть — если ты можешь работать со мной несмотря на это, я буду рад. Что скажешь?

Я слегка нахмурилась, глядя на Мишина. Конечно, я предпочла бы сбежать отсюда, как он выразился, «сгоряча». Но... даже тогда, много лет назад, когда я была мелкой рыжей выскочкой, я не любила проигрывать. Особенно ему.

А если я сейчас убегу, это будет проигрыш по всем статьям. Позорный и стыдный проигрыш.

— Если ты хотя бы раз, — начала я таким холодным голосом, что им впору было пельмени замораживать, — хотя бы раз оскорбишь меня словом или делом, я воткну вот эту самую ручку, которую ты держишь сейчас в руках, тебе в глаз.

По-моему, его проняло.

— Договорились.

— Прекрасно, — я встала со стула. — Тогда я пошла работать.

Уже от двери Мишин меня остановил, вдруг спросив:

— Рита... а почему ты больше не Ромашкина? Замуж выходила?

— Выходила. Развелась, — ответила я спокойно и вышла из кабинета.

Чувствую, работать здесь мне будет сложно. Впрочем... когда мне вообще было легко в этой жизни? Что-то я такого не припомню.

И как теперь работать?

Сергея редко что-то выбивало из колеи. И обычно это бывало что-то очень глобальное. А тут... всего лишь на работу устроилась его бывшая однокурсница Ритка Ромашкина. Нет, теперь уже Ракова.

Хотя какая она, к чёрту, Ракова? Ромашкина она.

Он её так и называл про себя — Ромашка. А ещё — Ритка-маргаритка. Но она об этом, конечно, не знала. Никто не знал.

Мелкая рыжая выскочка. Да уж. Им всем на первом курсе института было по семнадцать-восемнадцать, а ей всего лишь четырнадцать. Она была гением, пошла в школу в пять лет, закончила в четырнадцать, и преподаватели её обожали, называли «наша маленькая», «маленький гений», «цветочек».

Это всех бесило, а Сергея особенно.

Мелкая, тощая, в огромных очках, за которыми скрывались глаза настолько пронзительно-зелёные, что это казалось невероятным, Рита производила впечатление какого-то неземного существа. Она и одевалась не так, как другие. Длинные юбки, просторные кофточки, и всё винтажное, будто из бабушкиного сундука. Длинные серьги в ушах, нелепые бусы, бренчащие браслеты... В этом было что-то цыганское,

завораживающее и немного волшебное.

А ещё она страшно задирала нос. Теперь Мишин понимал — скорее всего, это было от смущения, ведь Рита оставалась ребёнком даже несмотря на свою гениальность. Именно из-за этого она так по-детски обижалась на все его подколки.

Сергей задирает её просто постоянно. Говорил что-нибудь обидное так, чтобы она слышала, спорил с ней на семинарах чуть ли не до криков, язвил и фыркал, стремясь уколоть побольнее. И откровенно обижал. Зачем? Скорее уж, почему.

Он понял всё про своё поведение на институтском выпускном вечере. Рита тоже пришла туда — в красивом зелёном платье, с распущенными волосами. Ей тогда только-только исполнилось девятнадцать.

Очки она сняла и смотрела на мир большими ярко-зелёными глазами. И эти распущенные волосы цвета меди...

Сергея ломало весь вечер. И он пил, пытаясь заглушить рвущее изнутри чувство, не желая ощущать подобное к этой мелкой выскочке Ромашкиной. Или желая?..

Он вышел тогда из ресторана на улицу, закурил, скорчившись, у стены здания.

И вдруг — прикосновение к плечу.

— Серёж, тебе плохо? — спросила Рита взволнованным голосом. Она, наверное, решила пойти домой — в руках сжимала сумочку. — Может, врача вызвать?

Мишин смотрел на неё несколько секунд. Это были последние секунды, когда он ещё что-то соображал.

А потом он отбросил сигарету в сторону, схватил Ритку за талию, развернул, прижал к стене — и впился в её губы яростно и грубо...

Сергей никогда и никого так не целовал — ни до, ни после. Агрессивно и наверняка больно. Рита вырывалась, пыталась махать руками, ногами тоже махала, но всё это только больше его заводило. Он запустил руку в вырез платья, сжал грудь — и почти застонал от наслаждения, почувствовав пальцами нежность кожи и остренький сосок...

А потом Сергей почувствовал кое-что другое, и вдруг осознал, что делает.

Щёки, все щёки у Ритки были мокрыми. Слёзы катились по её лицу, по шее, и она всхлипывала ему в губы, уже не пытаясь вырваться.

Мишина как ледяной водой окатило. Он отпрыгнул от Риты, с ужасом глядя на то, в каком она состоянии. Вся растрепанная, с размазанной косметикой и мокрым от слёз лицом.

— Из... — начал Сергей, но она не дослушала. Шагнула вперёд, размахнулась — и изо всех сил вмазала ему кулаком в глаз. Мишин завыл от боли и осел на землю.

— Ненавижу! — прошипела Ритка со злостью и убежала. Это было последнее, что он от неё слышал. На следующее утро, когда Сергей хотел разузнать её адрес и съездить извиниться, у отца случился первый инсульт. И Мишину стало не до Риты.

А потом он узнал, что она уехала за границу на какие-то

курсы, и решил её не искать. Зачем? Вряд ли ей нужны его извинения.

И странно... Столько лет прошло после того выпускного институтского вечера, да и в целом после института. Но то чувство к мелкой рыжей Ритке Ромашкиной было самым сильным в жизни Сергея.

Никогда больше ему настолько не обжигало сердце и душу. Он легко сходил и расходился, не испытывая ничего даже близко похожего на то, что ощущал в тот проклятый вечер. То чувство... оно было бесконечным и абсолютным, как Вселенная.

Наверное, так можно любить только в юности. До вытекания мозгов, дрожи в коленках и трогательного душевного трепета.

А Ритка, видимо, так и не поняла, что он по ней все пять лет с ума сходил. Но это, говорят, нормально для гениев. Как примеры решать или языки изучать — это они первые, но человеческие чувства — это будет похлеще теории относительности Эйнштейна. Или чего там? Производных и интегралов? Мишин уже не помнил, чем они отличаются.

Сергей усмехнулся и покачал головой.

Да уж, это Рита правильно сказала — с математикой он никогда не дружил.

— Ну, как тебе наш папа? — жизнерадостно спросила Варя, когда я вернулась на своё рабочее место.

— Что? — Я подняла брови. — Какой папа?

— Ну Сергей. Мы его так называем.

На мой взгляд, это прозвище Мишину подходило примерно так же, как корове седло.

— Пока нормально. А там посмотрим, — ответила я, не глядя на коллегу.

— Да всё хорошо будет, я уверена. — Варя явно пыталась со мной подружиться. — У нас тут коллектив замечательный, а если что, Сергей в обиду не даст.

Ну да. Если что, он лучше сам обидит.

— А ты правда жила во Франции четыре года? Мне Светка сказала.

— Правда.

— А почему вернулась? Я бы не вернулась, если бы у меня была возможность жить за границей...

Понятно. Видимо, Варя тайно — или наоборот, открыто — мечтает выйти замуж за иностранца.

— Я туда работать поехала. Контракт подписывала на год, три раза продлевала, а в этот раз не стала. Надоело мне там.

— Почему? — и опять это удивление. Словно во Франции априори ничего не может надоесть.

— Просто надоело. Четыре года на французском разговаривать, жить там, еду их есть. Соскучилась я. — Я усмехнулась. — Вот так и выясняется, патриот человек или нет. Если можешь жить за границей — не патриот, не можешь — патриот.

— Но ты ведь четыре года жила...

— Ага. Но без особого удовольствия. Просто жила. Как в гостинице живёшь. И вроде красиво, и вкусно, и хорошо, а всё равно домой тянет. — Я вздохнула и призналась: — И гречки хотелось постоянно. И чёрного хлеба. Когда в Москве жила, даже не представляла, что так по ним скучать буду, не любила никогда особенно...

— А там нету гречки и чёрного хлеба?

— Нету. — Я улыбнулась. — Только в магазинах специальных, для русских иммигрантов. Зато там много очень воюющего сыра. Такого даже в Москве теперь не купишь. Санкции же.

Минут пятнадцать я рассказывала Варе про жизнь во Франции, и она слушала с открытым ртом. Забавная она, мне понравилась. Хотя и очень уж болтливая, а я никогда не относилась себя к разговорчивым людям.

«Папа», значит... Ну-ну.

Интересно, долго ли Мишин продержится? Когда мы учились в институте, дня не проходило, чтобы он меня не задел чем-либо. То по внешнему виду пройдёт, то спросит что-нибудь неприличное и глядит, как я краснею, то начнёт на

семинаре со мной спорить и доведёт до белого каления.

А про выпускной я вообще молчу. Я тогда всю ночь про-рыдала от обиды. Пьяный в дым Мишин, который почему-то перепутал меня с одной из своих девок — сомнительное удовольствие для девочки, которая тогда даже ни разу не целовалась.

Впрочем, ладно, не стоит об этом вспоминать. Душевное равновесие — хлипкая вещь, а уж когда твой начальник — гад со стажем, она и вовсе становится эфемерной.

— А где здесь обедают? — спросила я у Вари задумчиво, и она сразу обрадовалась.

— Пошли, покажу!

В целом, если бы не Мишин, я могла бы признать — с работой мне повезло. Сотрудники пока все без исключения вызвали симпатию, Варя тоже радовала своим оптимизмом, и через две недели мне должны выдать первую зарплату... Просто мечта, а не работа.

Даже генеральный директор у них выглядел, как нормальный человек, а не небожитель. Он, к моему полнейшему удивлению, оказался мужем Светы, которая принимала меня на работу.

— А-а-а... служебный роман, — протянула я голосом Олега Басилашвили из одноименного фильма, и Варя хихикнула.

— А мы-то считали, что Юрьевский кремль! Но Светка, вон, сумела его растопить.

Я непроизвольно улыбнулась. Растопить кремль — это что-то новенькое. Варя постоянно чего-то такое ляпала на полном серьёзе, даже не задумываясь над смыслом.

— Однако настоящий кремль у нас тут всё же один.

— Кто? — поинтересовалась я без особого интереса, лишь бы поддержать Варю в похвальном стремлении рассказать мне все сплетни во время обеденного перерыва.

— Мишин.

Я чуть макарониной не подавилась.

— Кто-кто?

— Мишин, — повторила Варя на голубом глазу. — Его знаешь, сколько наших баб соблазнить пытались? Целый полк из них можно собрать. А ему хоть бы хны. Непрошибаем.

Удивительно. Мишин был первым бабником у нас на потоке. Ещё бы — с такой-то внешностью и с такими деньгами.

А сейчас-то что? Проблемы с потенцией? Гонорея? Или так, общая хроническая депрессия?

Впрочем, это неважно. Пусть делает, что хочет. Лишь бы ко мне не лез.

Однако беседу надо было поддержать.

— Ну у него, может, жена. Или невеста.

— Жены нет. А вот невеста теперь есть, — вздохнула Варя до смешного горестно. — Совсем недавно слушок про-

шёл, что даже заявление в ЗАГС подали. Но подробностей, конечно, никто не знает.

В груди неприятно кольнуло.

Представляю эту невесту... Наверняка первая красавица, не чета мне, «рыжей утырке», как он тогда говорил.

Я сильнее сжала вилку и изо всех сил вонзила её в котлету, представив на её месте наглый глаз Мишина. Во все стороны брызнул прозрачный сок.

И аппетит пропал окончательно.

Как тогда, на первом курсе, когда он подкинул дохлую муху мне в чай.

После обеда Мишин повёл меня знакомиться с коллегами. Ничего не попишешь — традиция. Водил по отделам и как китайский болванчик повторял: «Это Рита, наш новый менеджер, прошу любить и жаловать». Я старательно улыбалась, претворяясь доброй и славной девочкой.

— Всё, — выдохнул он примерно через полчаса. — Сейчас ещё к генеральному зайдём ненадолго.

Я пожала плечами. К генеральному так к генеральному. Юрьевский не Мишин, к нему негатива я пока не испытывала.

— Макс, — сказал Мишин, постучавшись и заходя в кабинет к генеральному совершенно по-простому, — я тебе привёл познакомиться нашего нового сотрудника. Вот, это Маргарита Ром... то есть, Маргарита Ракова. Она теперь вместо Светы будет работать.

Юрьевский встал из-за стола, кивнул и улыбнулся мне. Красивый мужчина, если бы я умела таять, взглянув на красивого мужика, непременно бы растаяла.

Но увы. Мишин сделал мне качественную такую прививку против красивых мужиков.

— Очень рад, Маргарита. Меня зовут Максим Иванович. Света мне про вас рассказывала.

— Надеюсь, только хорошее, — пошутила я, немного сму-

тившись.

— Разумеется, — он улыбнулся чуть шире. — А вы не стойте, садитесь, я хочу с вами поговорить.

Мишин взял меня под локоток — я с трудом удержалась от того, чтобы не отдёргнуть руку — и подвёл к одному из кресел. Придвинул его ближе к столу, сам сел рядом на стул.

А я опустилась в кресло. Точнее, попыталась. Расслабилась ты, Рита, отвыкла от постоянного присутствия этого гада в твоей жизни... Иначе непременно насторожилась бы. Мишин усаживает тебя в кресло... Ну не бред ли?

В общем, это самое кресло издало какой-то подозрительный невнятный звук, резко опустилось вниз, а потом повалилось вбок, захватив с собой и меня. Всё это произошло так стремительно, что я даже не успела среагировать, и позорно свалилась на пол, больно ударившись рукой о ножку ближайшего стула.

Ну, Мишин! Зараза.

Да и ты тоже хороша, курица безмозглая...

— Господи, Рита! — воскликнул Мишин и бросился меня поднимать.

Ух, я бы ему сказала. Ух, я бы ему вмазала.

Но с другой стороны меня бросился поднимать ещё и генеральный, так что я решила промолчать и спрятать все негативные эмоции поглубже.

Я Ромашка, девочка-цветочек, я ничего не поняла и ни во что не врубилась.

Как он сказал тогда, в первый же день нашего первого курса: «Ты ещё, небось, в куклы играешь».

Ага. Играю. И втыкаю в них иголки по ночам.

— Ничего-ничего, — пропыхтела я, садясь рядом на стульчик и потирая ушибленную руку. — Всю жизнь мне не очень везёт. Но не обращайтесь внимания, к работе это не относится.

Конечно, не относится. Это относится только к нашему общему с Мишиным прошлому, в котором кто-то кого-то так и не прибил.

— Извините, — сказал Юрьевский. — Я не знал, что кресло сломано. На него давно никто не садился. Сергей хотел, чтобы вам было комфортнее, а получилось наоборот.

Разумеется. Он все пять лет в институте, видимо, хотел, чтобы мне было комфортнее.

Да уж, не зря я никогда не верила в то, что люди меняются. Вот и Мишин... почти тринадцать лет прошло с окончания вуза, а он всё никак не успокоится.

Хотя надо признать — с кресел я ещё не падала. То есть, он всё же смог нечто новенькое придумать. Молодец! Пять баллов ему в дневник и печать на лоб.

И бес в ребро.

— Рита, — начал Мишин, когда мы вышли из кабинета Юрьевского, — надеюсь, ты понимаешь, что я тут ни при

чём?

Да-да-да. Как те кикиморы из сказки Александра Роу, которые высывались из болота и кричали, что они тут тоже «совершенно ни при чём».

Конечно-конечно... А я всё та же наивная Ромашка и мне по-прежнему восемнадцать лет.

— Понимаю, — я иронично усмехнулась. Мишин нахмурился.

— Честное слово, Рита. Не знал я! Ну неужели ты считаешь, что в кабинете генерального стали бы держать сломанное кресло?

Может, и не стали бы. А может, ты специально пришёл и подкрутил в нём какое-нибудь колёсико перед моим появлением в кабинете Юрьевского. Хороший способ намекнуть на новую войну, разве нет?

Да, я параноик. Правда, это относится только к Мишину. Но очень сложно ожидать чего-то хорошего от человека, который делал тебе только плохое.

— Ерунда, — буркнула я, вновь потирая ушибленную руку. — Забудь. Я пошла работать.

— Рита...

— Ерунда, говорю.

В совпадения я никогда не верила. Так же, как и в то, что люди меняются.

Но на первый раз я, пожалуй, сделаю вид, что поверила. Посмотрим, как Мишин станет вести себя дальше и что при-

думает, чтобы вывести меня из себя.

Сергей не видел Кристину уже две с половиной недели — собственно, всё то время, пока болел. И не мог сказать, что сильно соскучился. Но раз уж она изъявила желание приехать — почему бы и нет?

Да и в целом ему будет полезно с ней встретиться. А то весь день в голове мысли про Риту Ромашкину вертятся-крутятся, и никакого покоя от них.

То Мишин думал о сломанном кресле в кабинете Макса — и как он вообще умудрился так опростоволоситься? Нарочно не придумаешь...

То вспоминал дурацкую дохлую муху в её чае. Кажется, это было на первом курсе. И зачем забросил? Увидел на подоконнике сдохшее насекомое лапками кверху, задумался о бренности жизни. А тут Ромашкина мимо проплыла. Волосы блестят, распущенные, подбородок вверх вздёрнут, губы сжаты... И Сергей схватил муху, пошёл к выходу, а когда проходил мимо усевшейся за столом Риты, кинул эту самую муху ей в чай.

Мишин уже был в дверях, когда услышал судорожный вздох, а следом удушающий кашель. Он думал, она хотя бы завизжит... Но Рита никогда не визжала.

Потом он вспоминал её восемнадцатый день рождения. Господи, какой же он идиот... был.

Сергей тогда поймал Ритку буквально у выхода, приобрёл, проникновенно поздравил с такой важной датой, а сам в это время прицепил сзади на кофточку бумажку с надписью: «А мне сегодня 18! Теперь я могу заниматься СЕКСОМ!».

Все вокруг хихикали, некоторые даже ржали, но никто не говорил Ритке, в чём дело. Она смотрела удивлённо, озиравшись по сторонам, однако ей и в голову не приходило сунуть руку за спину.

Закончил веселье декан их факультета. Он, в отличие от одногруппников, Риту любил. Сорвал с её спины листок, прищурился, глядя на притихших студентов, и процедил:

— Это кто сделал?

Все, конечно, молчали. И смотрели на декана. И только Мишин — на Ритку. Она задрала голову ещё выше, но в глазах дрожали слёзы.

— Хорошенькое дело, — усмехнулся преподаватель. — Как маленьких девочек обижать, так вы первые. А как в поступке своём сознаваться — так в кусты. Рита, ты знаешь, кто это сделал? Он ведь должен был подойти близко...

— Не знаю, — отрезала Ромашкина. Не выдала его почему-то.

И тогда Сергея прорвало:

— Да я это был, я! — завопил он, шагая вперёд и закрывая собой почти плачущую девчонку. — Я пошутил просто, Михаил Эдуардович...

Мишин потом почти целый месяц ездил, как декан это на-

зывал, на «исправительные работы» в главный корпус. Территорию убирал, бумажки с места на места перекладывал, стены какие-то мыл.

Перед Ритой он тогда извинился, но когда декан ушёл, приблизился и шепнул ей на ухо:

— Так ты довольна, что теперь можешь заниматься сексом?

Она толкнула его в грудь ладонью, зашипела в лицо, словно змея:

— Иди ты в задницу, Мишин! Сволочь!

И убежала. На следующую пару не пошла.

А он все полтора часа сидел и осторожно трогал рукой место на груди, куда его толкнула Рита.

Придурок. Лучше бы цветы ей подарил. Нормальные цветы, а не те дурацкие, которые ты перцем посыпал. И не лень тебе было, идиоту?

Понимал же, что над ребёнком издеваешься. От этого тебя и колбасило. Желания-то у тебя к ней были совсем не детские...

Но неужели она так и не поняла?.. Теперь Сергею казалось — это было очевидно...

.

Кристина приехала к восьми. Привезла с собой кучу еды, а ещё какую-то розовую коробку. Мишин хмыкнул, взял её в руки, погремел содержимым.

— Очередное приобретение?

— Осторожно! — надулась Крис. — Знаешь, сколько это всё стоит?!

— Даже представить боюсь, — фыркнул он. — Ну, показывай, на что ты в этот раз решила разориться.

Это было последнее увлечение Кристины — «Пятьдесят оттенков серого». Точнее, сопутствующие ему товары. Ох и здорово обогатились секс-шопы на этой дурочке...

Крис открыла коробку, с важным видом достала оттуда какую-то длинную палочку с пёрышками. Мишин глубоко-мысленно помолчал, глядя на ярко-красные пёрышки с бу-синками. В голову пришло сравнение с ёршиком для унитаза, но раздражать Кристину с порога Сергею не хотелось.

— Детка, а ты магазины не перепутала? У моей матери есть такая фигня. Она её дразнилкой для кота называет.

Крис надулась.

— Это стимулятор сосков!

М-да. И зачем он пять лет рекламе учился? Взял палку, приклеил на неё какие-то дурацкие перья — и на тебе, стимулятор сосков.

С тем же успехом это может быть и ёршик для унитаза.

— Хорошо, опробуем сегодня эту драз... то есть, стимулятор. Показывай, что ещё привезла.

На этот раз Крис достала из коробки пушистый розовый ошейник.

— Ага... — протянул Сергей. — Мексиканский тушкан?

Она, конечно, не поняла. Где Крис — а где Ильф и Петров.

— Не нравится? — протянула разочарованно. — А я долго сомневалась, красный взять или розовый...

— Бери синий. Синий — мой любимый цвет. Надену этот ошейник и пойду на работу. И снимать откажусь, пока Юрьевский мне зарплату не поднимет.

Она опять не врубилась. Ну и ладно. Зато ему самому весело.

— Эх, жалко, первое апреля не скоро. Ну, чего ты застыла? Показывай, что ещё принесла.

— Ты меня не любишь, — Крис надула губы.

— Я тебя обожаю, детка, — Сергей подошёл ближе и обнял девушку. — Не обижайся, я дурак.

Она моментально растаяла, как сахар в чае.

— А там самое интересное осталось! Вот! — И достала из коробки... нечто.

Хм. Нет, конечно, Мишин сразу догадался, что это, всё же большой мальчик.

Стало ещё веселее.

— Так. Дай угадаю. Это пробка для бутылок? Шампанское затыкать?

— Серж! — возмутилась Крис.

— Что, не угадал? Дай подумать. Может, это пробка для излишне болтливых ротиков? Тогда я тут завязочек не вижу, её же выплюнуть можно.

— Серж!

— Опять не угадал? Теряюсь в догадках, детка. Может, это новогоднее ёлочное украшение такое? Повесил на ёлку — и радуешься. А потом достал — и заткнул бутылку. Чего зря добру пропадать.

Кристина наконец поняла, что он шутит. Засмеялась, но всё же решила пояснить:

— Это анальная пробка, милый. Попробуем?

Мишин пожал плечами.

— Пожалуйста. Главное, что она для тебя, а не для меня. Или?.. — он поднял брови, сделав вид, что испугался, и Крис рассмеялась уже громче.

Глядишь, через полгодика чувство юмора у неё сдвинется на отметку «сносное». Пока оно хромает на обе ноги...

«Зато у тебя этого самого чувства юмора — полные штаны»...

— А еду ты привезла, котёнок?

— Привезла, — она мурлыкнула и потянулась к его губам.
— Но может, сначала...

— Нет. Утром деньги, вечером сту... то есть, я хотел сказать, сначала еда, потом секс.

— Ла-а-адно, — вздохнула Крис томно. — Я согласна.

Ой, умная... Согласна она. Как будто Мишин будет её спрашивать!

Чуть позже, когда Сергей поел и разнежился, Крис растянулась на ковре посреди гостиной и протянула:

— А давай купим рояль!

Он уже давно не удивлялся, когда она брякала что-то в подобном стиле. Но в этот раз всё же не смог сдержать вспышки изумления.

— Зачем?

С учётом того, что Кристина не играла ни на одном музыкальном инструменте, а Сергею вообще все медведи мира на ушах потоптались, эта идея была более чем странной.

— Ну как... Представь. Ночь, луна, я выхожу к тебе из спальни, укутанная в одеяло, а ты играешь на рояле какую-нибудь дивную мелодию...

Во бред-то. Где она это видела? Опять, что ли, оттенки эти?

Мишин всё же не удержался от смешка и комментария:

— И тут ты говоришь: «А, это ты, Серж. А я думала, это с кем-то плохо или кошка застряла в трубе*».

(*Искажённая цитата из фильма «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона». Серия «Знакомство»).

— Что? — Крис распахнула чудесные голубые глазки и чуть приоткрыла губки. Конфетка, а не девочка. — Я иногда тебя совершенно не понимаю, Серж...

— Ничего страшного, милая. Я себя тоже иногда совершенно не понимаю. Но если ты хочешь, рояль я куплю. Знаешь, всегда мечтал иметь в доме что-то абсолютно бесполезное. Хотя... нет. На нём можно носки сушить.

Крис вздохнула и подползла поближе. Положила свою ладошку Мишину на пах, погладила.

Честно говоря, после сытного обеда по закону Архимеда полагается поспать... Но спать она пока явно не собиралась.

— Где там твои игрушки-то?

— Вон, я на краю дивана коробку поставила...

Глазки у Кристины уже туманом заволкло. Удивительно, но она возбуждалась до крайности только от одной мысли о сексе.

Так недолго и половым гигантом себя почувствовать...

Смысл палочки с перьями Мишин так и не понял. Крис гораздо сильнее стонала и текла не от прикосновений каких-то дурацких перьев, а от ласок его языка и губ.

Ошейник... за её длинными чёрными волосами его и видно-то почти не было. А когда было, смотрелось скорее нелепо, чем возбуждающе.

Сергею понравилась только пробка. Он чувствовал её, двигаясь внутри Крис, и это действительно было необычно и возбуждающе. Впрочем, ему и без пробки было бы хорошо.

А вот Кристина оказалась в диком восторге. Кричала под

ним так, что Мишин чуть не оглох.

— Ну и что, — спросил он, когда она, обессиленная, растеклась по простыне, — гожусь я на роль Грея?

— А это кто? — буркнула Крис, и Сергей развеселился. — А, ну да. Не, ты лучше.

— Не сомневаюсь, — Мишин хлопнул её по попе, отодвинулся и спросил иронично: — Теперь я могу поспать, о моя королева?

Кристина, как всегда, шутки не поняла. Ответила серьёзно:

— Да, конечно, спи.

Потянулась и сама засопела.

Сергей давно заметил: чем человек беспечнее, тем крепче он спит и тем быстрее засыпает.

Сам он страдал от бессонницы уже много лет. Вот и сейчас вместо того, чтобы мирно почивать на ложе почти супружеской любви, Мишин вернулся в гостиную, сел на диван, включил телевизор без звука и стал пялиться в экран, не вникая в то, что ему показывают.

Воспоминания иногда оказываются интереснее любого телевизора.

Как говорит Вера: «Если девушка хочет — девушка добьётся».

Самое удивительное, что это всегда было не про Веру,

а про каких-то других девушек. Сестра у Мишина была скромной и немножко закомплексованной. Даже сейчас, после рождения двоих детей и пяти лет совместной жизни с обожавшим её мужем, Вера не блистала наглостью.

А вот Крис блистала... Хотя дело было не только в этом.

Всё началось много лет назад, после институтского выпускного вечера и первого инсульта у отца Мишина. Именно тогда Сергей узнал, что из-за многочисленных долгов, о которых никто из родственников оказался не в курсе, отец продал их семейную ювелирную фирму. Продал своему ближайшему конкуренту Юрию Верещагину. И как только отец подписал все бумаги, у него случился первый инсульт.

До того дня Сергей был по большому счёту беспечным мальчишкой. Собирался работать в семейной фирме, заниматься любимой рекламой и не особо париться по поводу денег. Деньги у них водились, сколько он себя помнил.

И тут вдруг — как обухом по голове. Фирма принадлежит конкурентам, деньги нужны на лечение отца и содержание матери с сестрой. Мишину резко пришлось искать работу, настоящую работу, а не те игрушки, в которые он собирался играть всю жизнь.

Работу ему предложил Верещагин. Он в целом был неплохим мужиком и понимал непростое положение молодого парня, который на двадцать третьем году жизни вдруг выяснил, что эта самая жизнь, оказывается, не похожа на сказку.

Но работать в их бывшей фирме Сергей не смог. Ощуще-

ние неправильности происходящего, обворованности и обманутых ожиданий витало в воздухе, и Мишин задыхался от этого ощущения.

Проработав так месяц, Сергей не выдержал — уволился. И отправился в какой-то бар запивать собственное горе и глупость.

Человек, которого Мишин встретил в этом баре, всегда считал тот случай величайшим в его жизни везением. Сергей только улыбался и думал, что на самом деле повезло ему, а вовсе не Максу Юрьевскому. Повезло гораздо больше, чем кто-либо мог представить.

Фирма Макса быстро и стремительно тонула, как «Титаник», натолкнувшись на айсберг. И Сергей вдруг загорелся — ему захотелось вытащить эту фирму, а вместе с ней и Юрьевского. Он понравился Мишину. Так иногда бывает — противоположности притягиваются, и Сергей, балабол и профессиональный врун, по-настоящему сблизился с Максом. Мишину нравились его абсолютная честность, открытость и категоричность.

Он и сам как-то изменился под влиянием своего генерального директора. Стал менее язвительным и резким, откуда-то пришли мягкость и даже честность... Словно от Макса заразился.

Но Сергей был этому только рад.

А примерно полтора года назад он вдруг встретил на одном мероприятии Юрия Верещагина. И тот, выпив изряд-

ную дозу шампанского, неожиданно спросил, не хочет ли Мишин вернуть фирму отца.

Отец, умерший через пару лет после продажи семейного дела, действительно очень жалел о продаже. Да и Сергей жалел, что всё так получилось.

— Не отказался бы, конечно, — ответил он тогда Верещагину, и тот, усмехнувшись, сказал:

— Дочка у меня растёт. Восемнадцать недавно стукнуло. Мужа ей хочу найти нормального.

Мишин так удивился, что промолчал.

— А Крис встречается с какими-то придурками... Вот ты — другое дело. Женишься на ней — получишь обратно своё семейное дело. В качестве приданого.

Сергей фыркнул, думая, что Верещагин просто шутит.

— Ну вы и юморист, Юрий Алексеевич. Вы ещё скажите, что подарите мне участок на Луне или звезду с неба.

— Участок на Луне не подарю, ибо это бред, а вот дом за городом... Пусть моя девочка там живёт, воздухом дышит. Ну что, женишься?

Мишин усмехнулся и покачал головой.

— Я её даже не видел, Юрий Алексеевич.

— Увидишь, в чём проблема-то. — Верещагин отпил шампанского и понимающе хмыкнул. — Она красавица, ты не думай. Просто без царя в голове. Или даже без самого заухалого принца... Не дай бог, влюбится и выскочит за какого-нибудь идиота. И будет мне внуков стругать каждый год.

— Поэтому вы хотите выдать её замуж за идиота самостоятельно?

— А ты не идиот, не прибедняйся.

— Хорошо, допустим... Юрий Алексеевич, а вас не смущает, что мне почти тридцать четыре, а ей восемнадцать? Я её в два раза старше.

— Прекрасно, Сергей, прекрасно. В семье хотя бы один из супругов обязан быть взрослым человеком. А если оба дети, то это уже не семья, а детский сад получается. А Кристинка у меня ребёнок поздний, и потому избалованный... Взрослый человек из неё никогда не получится.

— Вы пессимист.

— Я реалист. Я дочь люблю, а потому забочусь. Ну что, женишься?

— Не знаю, — честно признался растерянный Мишин.

Фирму вернуть он, конечно, хотел. Но жениться на незнакомой девушке? Это как-то слишком.

Однако Юрий Алексеевич был настроен серьёзно.

И началось. Он Мишина будто преследовал, да ещё и Кристину везде с собой таскал. Красивая девчонка, что говорить — волосы чёрные, до попы, блестящие, глаза голубые, кожа чуть смуглая, ротик пухленький. Кто такую в небесной канцелярии слепил — тому зачёт.

Умом она, конечно, не блистала, но и круглой душой тоже не была. А самое главное — Крис не была стервой, что Сергею тоже понравилось.

Вот только чувств к ней у Мишина не было. Хотя да — красивая, и грудь имеется, и попа. Всё вполне сформированное. А вот Кристина в него влюбилась по-чёрному... Как пишут в романах — до бабочек в животе. И бегала, по пятам ходила просто. Верещагин лучился довольством — считал, что его дочка рано или поздно своего добьётся.

Она и добилась. Через полгодика. Позвонила Сергею однажды на мобильный и дрожащим голосом попросила приехать и забрать её из клуба, где к ней пристают. На резонный вопрос, почему это должен делать Мишин, а не папа, Кристина ответила, что папа в командировке.

Юрий Алексеевич действительно по телефону не отвечал, и Сергей помчался спасать «ребёнка».

Ребёнок, разодетый в костюм для дискотеки — хотя скорее раздетый — стоял возле клуба и мёрз. Осень, а она в мини-юбке... сумасшедшая.

Сев к Сергею в машину, Кристина заявила, что домой не хочет, а хочет кататься! Обняла его, как любимого плюшевого мишку,дохнула каким-то адским коктейлем в лицо, попыталась поцеловать.

— Я тебя домой отвезу, — Сергей с трудом отлепил Кристину от себя и усадил прямо. — Адрес говори.

— Не скажу! — девчонка капризно надула губки. — Вот не скажу, и всё!

Минут пятнадцать они препирались, и Мишин уже хотел вытолкнуть Кристину из машины, но пожалел. Осень, ми-

ни-юбка, рядом клуб, полный подвыпивших парней... понятное дело, добром это не кончится.

Отвёз её к себе. Она к тому времени благополучно отрубилась, откинув голову на сиденье машины.

Сергей положил Крис на диван в гостиной, не раздевая, укрыл пледом и отправился в свою спальню. Ему даже в голову не пришло запереть дверь, да и как? Замков у него дома сроду не водилось нигде, кроме туалета и ванной. От кого запирается, от себя самого, что ли?

Вот поэтому Мишин и проснулся посреди ночи от откровенно эротического сна. Он почувствовал чьи-то нежные губы и язык, которые скользили по члену, и маленькую девичью ручку, сжимающую мошонку. Всё это было до ужаса приятно, и несколько мгновений Сергей ещё лежал, кайфуя, а потом вдруг осознал, что именно происходит — и попытался отодвинуться, отталкивая от себя голову Кристины.

Она протестующе замычала и даже проглотила его член глубже.

— Прекрати сейчас же! — сказал Мишин, вновь пытаясь уползти в сторону, но эта малолетняя извращенка ползла за ним, не размыкая губ. — Крис, ты сдурела?!

Она помотала головой и заработала языком так, что Сергей не выдержал — застонав, кончил ей в рот. Разозлился на себя ужасно, оттолкнул Кристину и прошипел, нависая над ней:

— Ты меня с чупа-чупсом перепутала?!

— Не-е-е, — промурлыкала Крис и опустила руку. Сергей проследил за её движением и обнаружил, что она бесстыдно ласкает себя между ног. Даже в полумраке ночной комнаты он видел, что её пальцы блестят от влаги. — Я хотела тебя, а не чупа-чупс. А ты меня не хочешь?

— Нет, — соврал Сергей. — Я как-то считал, что ты девственница, Крис.

— Не-а. Я много умею... Показать? — она облизнула губы, и Мишин усмехнулся.

— Готов поспорить, я умею больше.

Они тогда всю ночь трахались. Сергей никогда не встречал девушку, которая получала бы от секса столько откровенного удовольствия. И это ему тоже понравилось.

А утром, когда он собирался на работу, позвонил Верещагин.

— Ну что, надумал? — спросил насмешливо, и Мишин ответил:

— Надумал. Вы довольны, Юрий Алексеевич?

— Конечно, — фыркнул Верещагин и положил трубку.

Сергей тогда минут пять стоял, глядя на спящую Крестину, и пытался понять, не совершает ли ошибку.

Он не из-за секса принял это решение, конечно. Просто под утро, когда Крис уже заснула, рассудил — а чего он, собственно, сопротивляется? Девчонка она симпатичная, молодая, да ещё и фирму в придачу вернёт. Тесть мужик нормальный, а тёща вроде как умерла лет десять назад. Со всех

сторон одни плюсы.

А то, что любви нет — ну так Сергей и не верил в любовь. Тогда чего сопротивляться?..

Тем более что секс и правда был потрясающий.

Честно признаюсь — я ждала подвоха. Каждый день ждала, что Мишин не выдержит и что-нибудь либо скажет мне, либо сделает.

Но пока он держался. Да мы и почти не виделись, если не считать моментов, когда я докладывала ему о состоянии работы над проектами. И тогда Мишин просто молча слушал, кивал, задавал вопросы исключительно по делу. Бесстрастно, безэмоционально.

Я не узнавала его. Но расслабиться всё равно не могла.

Один раз на моей памяти такое уже было. Он неделю меня не трогал, не оскорблял, не задевал. А всё для того, чтобы подойти, задать какой-то вопрос добрым голосом, а пока я старательно ему отвечала, как честная девочка, подсунуть мне в доклад обойму презервативов.

Ух, как она красиво и зрелищно высыпалась, когда я вышла отвечать. Однокурсники заржали, преподаватель сделал вид, что ничего не случилось, а я изо всех сил старалась не разреветься.

Но презервативы — это ерунда. Я боялась представить, что может придумать нынешний Мишин, если я расслаблюсь или зазеваюсь. За прошедшие-то годы в подобных шуточках он должен был заматереть.

А потом Варя сказала, что в пятницу у «папы» день рож-

дения, и я сразу поняла — вот оно. Видимо, готовит мне какой-нибудь грандиозный сюрприз. Даже интересно, насколько у нынешнего Мишина фантазия лучше работает.

Мы скинулись всем отделом, купили этому гаду дорожный ежедневник. А я решила подарить и кое-что от себя. Так, ерунда. Но не могу же я не попробовать отомстить ему хотя бы раз в жизни?

В пятницу Мишин пришёл с утра пораньше. Как обычно, в сером костюме, свежeweымытые волосы блестят, глаза сияют, на морде улыбка до ушей. Радостная такая. Словно день рождения — праздник не грустный, а весёлый.

Свалил на столе посреди нашей конторы кучу тортиков, конфеты, пирожные, фрукты. Прошёлся по всем структурам, пригласив угощаться и, сияя как начищенный самовар, вернулся в свой родной отдел. Достал из пакета маленькую коробку с пончиками и начал обход.

Шесть пончиков — шесть менеджеров-креативщиков, не считая Мишина. Все они улыбались, благодарили и брали пончик.

Но я же рыжая.

— Спасибо, — сказала я, пытаюсь не плюнуть в лицо этому лицемеру. — Но я обойдусь.

— Что такое, Рита? — он продолжал улыбаться. — Диета?

Да уж, мне только на диетах сидеть. А потом можно будет подрабатывать моделью скелетика в каком-нибудь анатомическом классе.

— Нет. Просто не хочу.

— Да ладно тебе, Ритка! — воскликнула Варя. — Возьми!

Не хочешь сама — отдашь мне!

Вот уж нет. Пончик-то был последний, то есть наверняка специально для меня. Никому не отдам такое «сокровище».

— Ладно, — покладисто согласилась я и взяла пончик из коробки. — Спасибо.

Мишин смотрел на меня как-то странно. И вроде улыбался, но в глазах никакой улыбки не было.

Однако он больше ничего не сказал. Просто закрыл коробку, выбросил её в мусорку и удалился к себе.

— Так! — ко мне тут же подскочила Варя. — Ты будешь есть?

— Буду, — ответила я твёрдо. Положила пончик на салфеточку рядом со своей чашкой и пригрозила соседке: — И не смей покушаться!

Она со смехом обещала не трогать никаких моих пончиков. Я тоже посмеялась, пытаясь отделаться от древних, как мир, воспоминаний.

Господи, какой же это был курс?... Первый, наверное.

И первое апреля. Мишин всем однокурсникам подарил шоколадку, и все находили там что-нибудь внутри. Кто монетку, кто записку с предсказанием, кто фантик от жвачки «лав из». Глупости всякие...

И только моя шоколадка оказалась полна жгучего перца чили, от которого у меня потом полдня горели горло и губы.

А он смеялся.

Так что... нет, никаких пончиков. И вообще никакой еды в присутствии этого человека. Тогда был перец чили, а теперь, спустя столько лет, что он туда засунет? Я даже представить боюсь, на что способна больная фантазия Мишина.

У меня никогда не получалось придумать в ответ что-то подобное. Один раз, всего один раз, я попыталась. Перед экзаменом стащила ключ от одной из аудиторий, позвала Мишина под предлогом «тебя декан тут ждёт» — и заперла его там.

Выдержала десять минут. Совесть замучила. Выпустила, и сразу же пожалела об этом.

Мишин схватил меня в охапку, больно дёрнул за волосы и прошипел на ухо:

— Запомни, глупая, если уж начинаешь что-то делать — делай это до конца.

Оттолкнул и ушёл.

Он мне потом здорово отомстил. Но этот «завет» я запомнила.

Если начинаешь что-то делать — делай. Либо просто не начинай.

.

Официальное поздравление от коллектива прошло весело и задорно. Нас всех собрали в большой переговорной, где мы с трудом разместились, потом быстренько выступил ге-

неральный директор, облил Мишина патокой с ног до головы, вручил от фирмы красивый и ценный конвертик. Потом, когда генеральный ушёл, Варя поздравила юбиляра от всех, как она выразилась, «креативщиков», и краснея, словно варёный рак, протянула Мишину купленный нашим отделом ежедневник. Тот изобразил лицом восторг и даже чмокнул ей ладошку.

Тьфу.

Все уже собирались расходиться, когда я выступила вперёд и, стараясь улыбаться, а не скалиться, словно Джокер из историй про Бэтмена, воскликнула:

— А я вас, Сергей, хочу отдельно поздравить!

Он напрягся. Это было почти незаметно. Всем, кроме меня.

— Ежедневник мы вам подарили, а я вот — дарю к нему ручку, — я протянула Мишину красивую синюю коробочку и едва удержала себя от истерического хохота, когда этот гад молча взял мой подарок.

Разглядывал его несколько секунд, а потом сказал:

— Спасибо большое, Рита.

В его ответе мне почему-то почудилась грусть. Странно.

— Что же вы не открываете, — посетовала я. — Я так старалась!

Да уж, очень старалась.

Мишин поднял голову и внимательно посмотрел на меня. Остальные члены коллектива застыли с улыбками на лицах,

явно не понимая, что вообще происходит. Счастливым именинником директор по креативу больше не выглядел.

Я знала, о чём он думает.

Мне тогда исполнилось пятнадцать — первый день рождения в институте. И я всё ещё была полна иллюзий и не ожидала, что над человеком можно издеваться даже в день его рождения.

Ручка, которую мне тогда подарил Мишин, запустила хорошую такую струю синих чернил мне прямоком в лицо. Пришлось сразу же убегать домой отмываться. Но я всё равно потом ещё неделю ходила с синей прядью в волосах — никак она не хотела возвращать свой натуральный цвет, а отрезать было жалко.

И теперь Мишин стоял и смотрел на меня, всерьёз считая, что на него сейчас польются чернила. Ну и кто из нас идиот?

Он вновь опустил голову, развязал ленточку и открыл коробочку. Я ожидала, что он её в сторону отбросит или отпрыгнет — вот была бы потеха.

Но Мишин не стал прыгать или швыряться коробочками, поэтому получилось не так смешно, как мне бы хотелось. Он просто молча стоял и смотрел внутрь, и на его лице застыло ожидание неизведанного.

— Ручка обыкновенная, с гелевым стержнем, — сказала я громко, продолжая радостно скалиться. — Не «паркер», но тоже очень даже ничего! А в колпачке у неё флешка, можно переносить там всякие тайные знания.

— Да-а-а, — пошутила Варя, — тайных знаний у нас в отделе пруд пруди...

Мишин между тем как-то угрюмо усмехнулся, закрыл коробку, сунул её под мышку и сказал, глядя на меня:

— Спасибо всем большое. Особенно вам, Рита. За подарок. Это было неожиданно.

— Не за что, — кивнула я. — Подарки и должны быть неожиданными. И приятными, правда же? Иначе это не подарок, а издевательство.

— Да. Издевательство, — повторил он, как эхо. Слегка качнул головой, словно сбрасывая с себя непонятное оцепенение, улыбнулся и махнул рукой в сторону выхода: — Заболтались мы тут с вами. Пойдёмте-ка есть торт!

Вот торт, в отличие от пончика, я могу съесть. Тортов Мишин притащил целых пять, вряд ли он точно знает, какой я предпочту.

Только отрезать буду сама. Мало ли что...

— А почему ты решила Сергею ручку подарить? — тихо удивлялась Варя, когда мы вернулись на свои места. — Нас же ручками обеспечивают бесплатными по самое не хочу...

— Так и ежедневниками нас обеспечивают, — усмехнулась я. — По самое не могу.

Варя хихикнула.

— Ну и?

— Что — ну и? — Я прикинулась ветошью.

— Почему ты решила ему ручку подарить?

— Просто так, — пожала плечами я. — Шла мимо палатки с барахлом, дай, думаю, куплю. Сто рублей всего. А шеф порадуетя.

— Он какой-то не очень радостный был, — протянула Варя. — Я только не поняла, почему. Будто бы ждал, что из этой ручки вылетит чёртик и плюнет ему в глаз.

«Да уж наверняка ждал», — фыркнула я про себя, отламывая ложечкой кусок торта. На всякий случай понюхала — пахнет вроде нормально.

Но Мишин к моему куску торта точно не приближался. Тогда что он сегодня учудит? Ну не может быть, чтобы он не поиздевался надо мной в день своего рождения. Это же традиция. Его и мой день рождения всегда заканчивались славным издевательством над Ритой Ромашкиной.

И чем больше проходило времени, тем сильнее я нервничала. Зачем я вообще пошутила над ним с этой дурацкой ручкой? Сейчас ещё изменит сценарий, озлобясь. Как тогда, когда я заперла его в аудитории...

Вспоминать не хотелось, и я погрузилась в работу.

— Ты на обед пойдёшь? — буркнула со своего места Варя, отправляя в рот здоровенный кусок торта.

— Вряд ли. Вон я какое жирное чудо себе отпилила. Тут калорий дня на три.

Варя вздохнула и покосилась на мой пончик, который до сих пор лежал на салфетке.

— Даже не мечтай, — пригрозила я ей пальцем. Вот уйдёт в туалет, под шумок выброшу в мусорку...

Но в итоге я забыла про этот несчастный пончик. Заработалась.

Варя убежала домой в пять часов вечера, отпросившись у Мишина на какое-то там свидание. А я ждала шести, чтобы тоже пойти домой. У меня были большие планы на вечер и выходные. Планы по приведению в порядок съёмной квартиры.

В шесть, как по сигналу, из своего кабинета вышел Мишин. Я в это время выключала комп. Моя старая сумка, привезённая ещё из Франции, стояла на перегородке, и Мишин обратил внимание сначала на неё, а потом уже на меня.

— Хорошего вечера, Рита, — сказал он спокойно, опустил взгляд... и заметил свой пончик. — Что же ты... так и не съела?

— Нет, — я вспомнила про пончик, взяла его в руки — и выкинула в мусорное ведро. Он шлепнулся туда с громким приветливым «шмяк». — И не съем.

Мишин проводил взглядом почивший пончик и слегка усмехнулся.

— Ты меня демонизируешь.

— Нет, — во второй раз сказала я. — Всего лишь не идеализирую, в отличие от прочих коллег. Тебе полезно... для разнообразия. А то тебе всю жизнь все в рот смотрят.

— Не все. Ты же не смотрела.

Вот дурак.

— Короче, — я взяла в руку сумку и вышла из-за перегородки, — я пошла.

Но чтобы нормально выйти, мне нужно было, чтобы Мишин отошёл в сторону. Но он не отходил.

— Это был просто пончик, Рита. Самый обычный пончик.

— Хорошо, — я уже начинала злиться. — Самый обычный пончик, который я не съела. Или я не имела права его не есть?

— Имела, — ответил Мишин, пристально глядя мне в лицо. — Но меня интересует, почему ты его не съела.

— Знаешь, — я сделала шаг вперёд и встала к Мишину практически вплотную, — я уже много лет терпеть не могу

острое. Не знаешь, почему?

Он вдруг опустил взгляд и посмотрел на мои губы. Мне даже захотелось их облизнуть... А ещё стало жарко в самом низу живота.

Ерунда какая-то.

— Знаю. Из-за той шоколадки.

— Разве только из-за шоколадки? Ещё были перчёные цветы.

— Были, — выдохнул Мишин, и его дыхание коснулось моих губ. И я непременно сделала бы шаг назад, если бы не понимала, что это будет выглядеть как отступление.

— Как я тогда чихала, помнишь? А тебе было смешно.

— Было, — подтвердил Мишин, и во мне внезапно вспыхнула злость.

— Тебе не стыдно? — прошипела я, поднимая руку и толкая его ладонью в грудь. Но он не отшатнулся. Накрыл мою ладонь своей, прижимая к себе плотнее, и меня будто бы чем-то обожгло.

— Нет, — он погладил мою руку. Голос его был немного хриплым и каким-то... ласкающим, что ли? — Мне не стыдно.

Зря Мишин это сказал.

Я окончательно разозлилась. И эти его слова, и моя реакция на его близость — всё это будто бы взорвало меня изнутри.

Я вырвала свою ладонь из его пальцев, размахнулась и до-

вольно-таки сильно ударила Мишина по лицу.

Сильно и смачно. Звон вышел знатный...

Он отшатнулся, и я, ещё раз толкнув его в грудь, побежала к выходу. Даже если это кто-то видел — плевать.

В ту секунду мне просто хотелось убить его. Вот за это самое: «Мне не стыдно». Заболели и заныли разом все шрамы, все застарелые обиды словно заново родились и напомнили о себе.

Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу.

Чего же ты, идиот, прощения не попросил? Подходящий же был случай.

Вместо этого стоял и думал, как это удивительно — столько лет прошло, а она всё так же пахнет. И глаза, и губы... Те же.

И вот это было ещё удивительнее. Глупое и даже злое юношеское чувство куда-то ушло, оставив после себя только то, что было действительно важно. То, что проросло глубоко в его душу, то, в чём был лишь свет, и никакой тьмы.

«Мне не стыдно»... Зачем он так сказал? Хотя нет — не зачем, а почему.

Теперь Сергей был другим человеком. И да — ему сегодняшнему не было стыдно, потому что он сегодняшний не стал бы обижать Риту.

Но ведь она говорила не про него сегодняшнего, а про того глупого мальчишку. И там было, чему стыдиться.

Надо было просто попросить прощения, и всё. А не разводить тут философские теории...

Сергей помотал головой. Щека горела. Он обернулся — офис, по крайней мере та его часть, где находились они с Ритой, был пуст.

Значит, никто не видел, как она ему вмазала. Это хорошо.

Только мало. По-хорошему, Рита должна хотеть ему что-нибудь оторвать. Так что она ещё вежливо...

Вообще забавно, что она считает его той же сволочью, какой он был тогда. Забавно... и немного обидно. Будто бы он не мог измениться. Остался там, в институте, законсервировался, и все эти годы только и мечтал подарить Рите шоколадку с перцем.

Интересно, хотя бы раз в жизни она взглянет на него... нет, не с любовью, а просто — нормально, как человек на человека? Без неприязни и даже ненависти. И что он должен сделать, чтобы Рита взглянула на него именно так? Тут ведь никакими цветами и извинениями не обойдёшься.

Нужно что-то серьёзное...

С Кристиной Сергей столкнулся возле своего подъезда. В одной руке она несла коробку с тортом, а в другой — подарочный пакет. Взвизгнула от радости и кинулась Мишину на шею, чуть не уронив и торт, и подарок.

— С днём рождения, Серж!

Он усмехнулся и похлопал невесту по спине.

Интересно, как они смотрятся с Крис рядом друг с другом? Он — весь из себя в костюмчике, с кожаным дипломатом, и она — молоденькая девчонка, почти ребёнок, в топи-ке и мини-юбке.

Иногда Мишин чувствовал себя педофилом. Он один раз пошутил — сказал это Кристине, и онемел, когда она поинтересовалась, нахмурившись:

— Педофил — это врач, который лечит педиков?

Жаль, что она спросила это абсолютно всерьёз. Если бы Крис могла столь же остроумно шутить, сколь говорить глупости, Сергей нашёл бы в себе силы простить собственную меркантильность по отношению к ней.

— Я твой любимый торт купила! Птичье молоко! — радостно возвестила Кристина, хлопая густо накрашенными глазами. — Ты рад?

— Конечно, котёнок, — кивнул Мишин, приобнял невесту за талию и повёл ко входу в подъезд. — Я очень голоден и очень рад.

Вот уж чего у Кристины было не отнять, так это внимательности к нему. Она очень хорошо помнила, что Сергей любит, а чего не любит есть, и потихоньку училась готовить. Крис по натуре была девочкой-наседкой, ещё и поэтому Верещагин так старался поскорее найти ей мужа — понимал, что пройдёт пара лет, и она сама справится, если он не подсуется.

Лифт в доме Мишина был большой и чистенький, с огромными зеркалами по стенам. И Крис, как только они вошли внутрь и Сергей нажал на кнопку с цифрой десять, вдруг обняла его за шею, прижалась всей пышной грудью к его пиджаку и хрипло прошептала:

— А давай займёмся сексом.

Мишин поднял брови.

— Займёмся, котёнок. Это само собой разумеется.

— Не-е-ет, ты не понял, — протянула Крис. — Давай займёмся здесь.

— Здесь — это в лифте, что ли? — Сергей развеселился.

— Очередная сцена из оттенков, да?

— Ага, — радостно кивнула невеста и даже потянула руку к кнопке «стоп», но Мишин перехватил её ладошку, поднял к губам, чмокнул и сказал:

— Детка, разве я похож на эксгибициониста?

— Экс... ги... а это кто такой?

Ну вот. Как с ней иногда тяжело.

Лифт остановился, двери открылись, и Сергей вывел Крис наружу, подхватив девушку под локоток. Она горестно вздыхала, косясь на закрывающиеся двери.

— Эксгибиционист — человек, который любит показывать посторонним людям свои половые органы, — просветил Мишин невесту, гремя ключами. — Увы, детка, мне это не по вкусу. Если ты не знаешь, в нашем лифте есть камеры, а внизу сидит охранник, который круглосуточно пялится на то, что происходит в этом самом лифте. Хочешь, чтобы он пялился на твой голый зад?

— Нет! — Крис перепугалась, вытаращила глаза. И чему её только в школе учили? Ничего же не знает. Хотя нет, она в косметике отлично разбирается. На прошлой неделе читала

ему очень длинную и содержательную лекцию об отличиях тональной основы от тонального крема. Сергей тогда чуть не уснул.

— Добро пожаловать, дорогой Карлсон! — воскликнул Мишин, шагая в квартиру. Оглянулся на Крис и добавил: — Ну и ты, малыш, заходи.

Она сразу развеселилась, засмеялась. Да, в мультиках Кристина разбиралась. Ребёнок, что ещё сказать.

Да уж, ребёнок... Дети на подобные извращения не способны.

Крис в тот вечер разошлась. После выпитого коньяка начала хихикать, разделась, легла на ковёр и стала принимать разные сексуальные на её взгляд позы. Просила Мишина фотографировать её на телефон, рассматривала эти фотографии, хихикала — и опять давай принимать позы.

В конце концов он не выдержал — и занялся с Крис сексом, рассчитывая, что она, как обычно, потом уснёт. Так и получилось.

А Мишин сел в собственной гостиной, включил телевизор без звука, сделал себе кружку горячего и крепкого чая, но даже глотнуть не успел — у него зазвонил мобильный телефон.

Вспышка раздражения от того, что кто-то трогает его в одиннадцать часов вечера, быстро угасла — звонила сестра.

— Привет! — Её голос был весёлым, хотя и немного сонным. — Быть матерью двоих детей иногда просто ужасно! Я чуть не забыла про твой день рождения, представляешь?

— Представляю. Совсем тебя замучили?

— Угу. Машу ещё в школу сейчас готовлю, так она каждые пять минут тетрадками швыряется... А Витя, глядя на неё, тоже начинает швыряться, но уже игрушками. Вчера

чуть глаз мне не подбил машинкой. Но ладно, ерунда, справлюсь. Так вот! С днём рожденья тебя-я-я, с днём рожденья тебя-я-я, — запела Вера. — С днём рожденья, милый братик, с днём рожденья тебя-я-я! Будь здоров, не кашляй.

Они оба засмеялись, вспомнив недавний грипп Мишина.

— А ещё наконец найди себе нормальную дев...

— Вера!

— Молчу-молчу. Но правда, Серёж. Ты же с ней с ума двинешься. Кристина милая, я не спорю, и не злая. И если бы на ней собирался жениться не ты, а кто-нибудь другой, я бы сказала — совет да любовь, плодитесь и размножайтесь. Но тебе я желаю совсем иной жены.

— Да ладно тебе, Веруш. Сама же говоришь — не злая. Молодая и красивая, меня обожает. Да и... фирму вернём. Неужели ты не хочешь?

Она вздохнула.

— Я хочу, чтобы ты счастлив был, дурень. А ты всё один да один, как сыч. Такой красивый, весёлый...

— Чш-ш-ш. Там Вадима рядом нет? А то услышит — ревновать будет.

— Дурень. А Вадим в ванной. Ещё минут десять у меня есть, а потом он придёт и будет бухтеть, что хочет спать. И почему я его люблю, этого ненормального жаворонка?

Мишин фыркнул. Да, Вере и Вадиму приходилось тяжело друг с другом в плане вставания с кровати по утрам. Вадим был убеждённым жаворонком и вскакивал даже в выходной

не позже восьми, а Вере всегда было сложно подняться с постели раньше десяти утра.

— Слушай, Веруш. Хочу тебя спросить, как единственную адекватную девушку в своём окружении.

— О. Это лестно и интересно. Давай, я слушаю.

— Что делать мужчине, если он очень виноват перед женщиной? Как можно свою вину загладить?

Вера на том конце провода как-то странно крикнула.

— Это перед кем же ты настолько провинился, братишка? Неужели перед Крис?

— Нет.

— Ещё интереснее. Я её знаю?

— Нет.

— О как. Однако. Но что ты хочешь от меня услышать? Я ведь не ведаю, что ты натворил.

— Поверь мне на слово — ничего хорошего.

— Да ладно, на вселенского злодея ты как-то не тянешь. А ей-то самой что от тебя нужно?

Сергей усмехнулся, вспомнив Риткино «ненавижу!»

— И опять же ответ — ничего.

— Тогда зачем тебе что-то заглаживать? Забудь.

— Не могу.

Вера чуть помолчала, подумала.

— Не можешь или не хочешь?

— И то и другое.

Она снова помолчала.

— Прям хоть приезжай и смотри на эту неизвестную, которая тебя так очаровала... Но мне, увы, некогда. Ладно, дам я тебе парочку советов. Записывай.

— Я запомню, — фыркнул Мишин. — Не такой уж я пока и старый.

— Да? Ну, тебе виднее. Во-первых, вспомни классику: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей».

— Угу. «И тем её вернее губим средь обольстительных сетей».

— А не надо доводить до крайностей. Сначала — игнор, а потом — противоположное поведение. Ухаживай, комплименты говори, ты же умеешь. Сбей её с толку, обольсти и возьми тёпленькой. Пока не опомнилась.

— Хм. Спасибо, Вер. Я подумаю.

— Думай-думай, — хмыкнула сестра. — На свадьбу только пригласить не забудь. Внутри меня забрезжила надежда на спасение от Кристины. Прекрасной, но отнюдь не мудрой.

— У всех свои недостатки.

— Само собой. Только есть недостатки, с которыми можно смириться, а есть такие, с которыми нельзя. Всё, Серёж, Вадим топает. Сейчас бухтеть начнёт. Я побежала. С днём рождения ещё раз!

— Спасибо, Веруш.

Мишин положил трубку и задумался.

«Чем меньше женщину мы любим», значит.

Что ж... спасибо Пушкину.

Любите ли вы съёмные квартиры так же, как люблю их я? Точнее, ненавидите ли? Ведь любить этот кошмар невозможно.

Так получилось, что я живу в съёмных квартирах с девятинадцати лет. И за всё это время я меняла их пять раз.

Первую квартиру я делила со своим мужем Матвеем Раковым. Продолжалось это недолго, примерно полгода. Потом я переехала и сняла себе комнату в квартире с хозяйкой — старой сварливой бабушкой, которая своих тараканов любила гораздо больше, чем меня. Тараканов в прямом смысле этого слова.

Полтора года я держалась и копила деньги, а затем сняла себе более-менее нормальное жильё недалеко от работы, где и благополучно обитала до самого отъезда во Францию.

Во Франции я тоже, по сути, жила в съёмной квартире, хотя она и была от фирмы. И весьма приличная была квартира. По крайней мере там нигде ничего не отваливалось, а если отваливалось, мне сразу вызывали слесаря из французского аналога службы «муж на час» и всё чинили.

Итак, это уже была моя пятая квартира. Не могу сказать, что она хуже предыдущих, но, как это всегда бывает со съём-

ными квартирами, не лишена недостатков.

Акриловый вкладыш в ванне скрипит, как несмазанная телега. Если сильно дёрнуть вилку телевизора, то она выдёргивается из стены вместе с розеткой, поэтому последнюю лучше придерживать. Ламинат в одном месте ходит волнами и опять же скрипит. Микроволновка начинает работать только после того, как хорошенько стукнешь её сверху кулаком. На окнах нет никаких фиксаторов, поэтому окно можно либо закрыть, либо открыть настежь. Сейчас лето и проблема не столь остра, но ближе к осени придётся принимать меры.

Что ещё? Пылесос у хозяев есть, а веника с совком я так и не обнаружила, пришлось покупать свои. Буржуи, как же можно жить без веника?..

Сковородка была только одна, чугунная и заросшая жиром так, как будто в ней кто-то целый месяц жарил блины и ни разу не помыл.

Духовка работает еле-еле, при этом низ пирога сжигает, а середину оставляет непропечённой. Жаль, я очень люблю пироги...

Ну и так, по мелочи. На кровати можно спать только с одного края, на другом яма. Стиралка во время стирки прыгает так, словно стремится сбежать, как посуда от Федоры. И самой посуды катастрофически мало, а та, что есть, вызывает у меня неконтролируемый приступ тошноты.

Я вообще довольно брезглива, поэтому всё, чем прихо-

дится пользоваться постоянно, покупаю сама.

Вот и в этот раз я закупила всем необходимым, а на выходных наконец устроила генеральную уборку — мыла окна, полы и чуть ли не потолок, стирала шторы, отчищала плиту и духовку на кухне. В общем, вовсю играла в Золушку.

Только щёток на ногах не хватает. Правда, я пыталась подобным образом потереть пол в детстве — ничего не получилось, да ещё и по шее получила от матери.

Кстати, о матери...

Мобильный телефон опять настойчиво зазвонил, а я привычно его проигнорировала. Мама, конечно, уже успела каким-то непостижимым образом пронюхать, что её непутевая дочура вернулась в Россию, и сразу же давай названивать.

Мне примерно так же сильно хотелось видеть свою маман, как и Мишина. И слышать тоже.

Я не сомневалась, что рано или поздно она сумеет меня найти. Знакомых у неё много, и она кого угодно задолбает своими просьбами помочь ей отыскать «любимую дочку». Так что наверняка через пару месяцев увижу её на пороге своей квартиры.

Но пока у меня есть эти пара месяцев, чтобы морально подготовиться. Зная маман, любая моральная подготовка не будет лишней.

Кое-кто из моих знакомых думает, что я сбежала во Францию из-за Матвея — в тот год он как раз женился во второй раз. Но это не так.

На самом деле я уносила ноги от собственной матери.
А, ладно. Даже вспоминать не хочу.

.

А паранойя моя между тем цвела и пахла.

Мишин меня совершенно игнорировал. То есть, абсолютно. По полной. А я, ожидая от него грандиозной подлянки после той пощёчины, дико переживала и нервничала.

Он даже толком не здоровался со мной. Если только случайно сталкивался в коридоре, тогда кивал и скользил по мне равнодушным взглядом. Вот гад, а? Небось, готовится к очередной шуточке.

Все «указания» Мишин теперь передавал через Варю, а если ему нужно было что-то узнать у меня лично, писал письма на корпоративную почту. Сугубо деловые письма, сухие, как сухари.

На нервной почве я почти перестала есть. Таяла на глазах. Скоро только и останется, что глаза и рыжие волосы, всё остальное растворится в пространстве.

Варя удивлённо спрашивала, что со мной и почему я так мало ем. Приносила мне то булочку, то пончик, сердобольная. А я банально боялась, что Мишин мог затаить на меня особенную обиду, и теперь хочет особенно отомстить. И дай бог, если это будут сломанные кресла или шоколадки с перцем. А то ведь у него может хватить фантазии и полномочий устроить какую-нибудь злобную шуточку, из-за которой ме-

ня потом ни в одну приличную контору не возьмут на работу.

Вот в таком настроении я и узнала о грядущем корпоративе.

День рождения фирмы — святое дело, и нам обещали ресторан с какими-то конкурсами, танцами и пьянкой-гулянкой.

Клянусь собственными рыжими волосами, я бы не пошла. Ни за что не пошла бы. Я не отношусь к компанейским людям, а подобные мероприятия вообще страстно ненавижу. Но увы, за два дня до корпоратива я столкнулась в лифте с Юрьевским, и тот, улыбнувшись, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.